

**В.П. ЧУДИНОВА**

## **ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ НЕГРАМОТНОСТЬ — ПРОБЛЕМА РАЗВИТЫХ СТРАН**

Функциональная неграмотность, о которой пойдет речь в статье, в чем-то сходна с айсбергом: видимая, но меньшая часть — снаружи, большая, но скрытая, внутри. Это явление сложное, многогранное. В настоящее время оно изучается учеными и осмысливается широкой общественностью многих стран. О нем спорят, ищут подходы, разрабатывают специальные программы и т.д. [1]. Приведенные ниже сведения представляют одну из попыток подхода к этой проблеме и ни в коей мере не претендуют на ее всесторонний анализ. Однако, на наш взгляд, они необходимы, т.к. для России эта проблема, судя по всему, крайне обострится в ближайшем будущем.

В начале 80-х годов ряд развитых стран поразили сообщения о наличии в них, доньше считавшихся культурными, парадоксального явления, названного «функциональной неграмотностью». Это было началом осознания широкими слоями населения нового процесса, который позднее привел к значительным реформам образовательных систем и социокультурной политики. «Нация в опасности», «наступил кризис чтения», «становимся ли мы пролетариями?» — в этих и других аналогичных выражениях отразилась острая озабоченность разных слоев общества Америки, Канады, Германии, Франции и других стран новыми социальными катаклизмами.

О чем же конкретно шла речь? Функциональная неграмотность не адекватна традиционному представлению о неграмотности. По определению ЮНЕСКО, этот термин применим к любому лицу, в значительной мере утратившему навыки чтения и письма и не способного к восприятию короткого и несложного текста, имеющего отношение к повседневной жизни [2, с. 17]. Проблема оказалась настолько острой, что 1990 г. по инициативе ЮНЕСКО был провоз-

глашен Генеральной Ассамблеей ООН Международным годом грамотности (МГГ). В течение 1991 г. подводились итоги соответствующих мероприятий во многих странах и международных организациях. В настоящее время на их основе разрабатываются законодательные акты, решения, планы и программы для продолжения и развития движения за преодоление и предупреждение неграмотности в различных ее формах.

Как в повседневной жизни проявляется функциональная неграмотность, почему она стала расцениваться как явление, представляющее опасность для общества, каковы причины развития этого процесса? Специалисты разных стран интерпретируют это явление по-разному и делают акценты на различных его сторонах. Термины, которыми при этом пользуются, также различны: «functional illiteracy» («функциональная неграмотность»), «secondary illiteracy» («вторичная неграмотность»), «semiliterate» («полуграмотные»), «dyslectic», «dyslexic» («не владеющие словарем, с плохой лексикой»), и др. В США в последние годы широко используется связанный с этой проблемой термин «family litOracy» — «семейная грамотность», а также термин «at-Risk» — «те, кто относится к группе риска», или «находится в опасности». Но под «опасностью» и «риском» здесь подразумевается совсем не то, что обычно имеется в виду, т.к. этот «риск» связан именно с низким уровнем образования, другими словами, с функциональной неграмотностью. Этот термин укоренился в США после доклада «A nation at risk» («Нация в опасности»).

Для иллюстрации масштаба этого явления приведем некоторые впечатляющие цифры. По данным американских исследователей, один взрослый из четырех слабо владеет грамотой. Существует и такое явление, как пассивная грамотность, когда взрослые и дети просто не любят читать. В докладе «Нация в опасности» Национальная комиссия приводит следующие цифры, которые рассматриваются ею в качестве «индикаторов риска»: около 23 млн. взрослых Америки являются функционально неграмотными, им трудно справиться с простейшими задачами ежедневного чтения, письма и счета, около 13% всех семнадцатилетних граждан США могут считаться функционально неграмотными. Функциональная неграмотность среди юных может возрасти до 40%; многие из них не обладают целым рядом интеллектуальных навыков, которые можно было бы ожидать от них: около 40% не могут сделать выводы из текста, только 20% могут написать сочинение, где будет убедительная аргументация, и только 1/3 из них может решить математическую задачу, требующую поэтапных действий [3].

Согласно Д. Козол (1985), данные из различных источников показывают, что примерно от 60 до 80 млн. американцев являются неграмотными или полуграмотными: от 23 до 30 млн. американцев полностью неграмотны, т.е. фактически не могут читать или писать; от 35 до 54 млн. полуграмотны — их читательские навыки и умение писать гораздо ниже, чем это необходимо, чтобы «справиться с ответственностью ежедневной жизни». Автор приводит убедительные сведения о том, как «неграмотность берет тяжелую пошлину с нашей экономики, влияет на нашу политическую систему, и, что еще более важно, на жизнь неграмотных американцев» [4].

По мнению исследователей, эта проблема особенно тяжела тем, что носит латентный характер. Взрослые обычно стремятся скрыть дефекты своего образования и воспитания — неумение, незнание, плохой уровень информативности и другие навыки и качества, которые мешают преуспеванию в современном информационном обществе.

Функционально неграмотному человеку действительно приходится нелегко даже на бытовом уровне: например, ему трудно быть покупателем и выбрать необходимый товар (т.к. эти люди ориентируются не на сведения о товаре, указанные на упаковке, а только на этикетки), трудно быть пациентом (т.к. при покупке лекарства непонятна инструкция по его применению — каковы показания и противопоказания, побочные эффекты, правила применения и т.д.), сложно быть путешественником (ориентироваться в дорожных указателях, планах местности и другой подобной информации, если он не был ранее в этом месте; проблемой является посчитать заранее и спланировать дорожные расходы и т.д.). Среди других проблем: оплата счетов, заполнение налоговых квитанций и банковских документов, оформление почтовых отправок и писем и проч. Функционально неграмотные испытывают проблемы, связанные с воспитанием детей: порой не могут прочитать письмо учителя, боясь визита к нему, им трудно помочь ребенку с выполнением домашнего задания и т.д. Проблемы с бытовыми электроприборами, невозможность разобраться в инструкциях к ним, ведут к их порче, а иногда и к бытовым травмам хозяев. Функционально неграмотные не могут работать с компьютерами и другими аналогичными системами. По мнению специалистов, функциональная неграмотность является одной из главных причин безработицы, аварий, несчастных случаев и травм на производстве и в быту. Потери от нее составили, по расчетам специалистов, около 237 млрд. Долларов [5].

Миллионы коренных жителей развитых стран, учившихся в школе в течение ряда лет, либо практически забыли и утратили умения и навыки чтения и элементарных расчетов, либо уровень этих умений и навыков, а также общеобразовательных знаний таков, что не позволяет им достаточно эффективно «функционировать» в непрерывно усложняющемся обществе. В Канаде среди лиц в возрасте 18 лет и старше 24% неграмотных или функционально неграмотных. Среди функционально неграмотных 50% девять лет учились в школе, 8% имели университетский диплом [1]. Результаты анкетирования в 1988 г. свидетельствуют о том, что 25% французов совсем не читали книг в течение года, а количество функционально неграмотных составляет около 10% взрослого населения Франции. Данные, представленные в отчете Министерства Национального образования за 1989 г. говорят о низком уровне школьной подготовки: примерно один из двух поступающих в колледж, умеет достаточно хорошо писать, 20% учащихся не владеют навыками чтения. Между тем, успехи в учении тесно связаны с уровнем читательской активности [2, с. 6].

По мнению французских исследователей, не все функционально неграмотные могут быть отнесены к лицам, оторванным обществом в профессиональном или экономическом смысле. Однако все они в той или иной степени культурно ограничены и оторваны от социального и интеллектуального общения. Независимо от возраста, занимаемого экономического положения и жизненного опыта, функционально неграмотного человека можно охарактеризовать следующим образом: слабая учеба в школе, негативное отношение к учреждениям культуры из-за неумения пользоваться ими и страха быть осужденным знатоками и т.д. Из характеристики следует, что трудности, испытываемые этими людьми являются не столько трудностями прагматического, сколько культурного и эмоционального плана [Там же, с. 9].

Группа людей, наиболее близко стоящая к функционально неграмотным, или в какой-то мере совпадающая с ними, может быть названа «weak readers» — слабые читатели, для которых характерно «пассивное чтение». Сюда относятся взрослые и дети, которые не любят читать. Эта группа читателей была недавно исследована французскими социологами [Там же, с. 7—9].

Определение «слабый читатель» указывает на уровень овладения культурными навыками и опытом, зависящим прежде всего от образования, социального происхождения и особенно — от изменений в семейных, профессиональных или социальных отношениях. Авторы подчеркивают, что обычно «слабого читателя» представляют как человека, у которого нет времени для чтения. В действительности же речь идет о причине психологического характера: ни его жизненные обстоятельства, ни профессиональная ориентация не способствуют превращению чтения в постоянную привычку. Он читает от случая к случаю и не тратит на это много времени, считая это занятие нецелесообразным. В чтении такие люди обычно ищут «полезную» информацию, т.е. информацию, носящую практический характер. Кроме того, в их окружении чаще всего мало читают и редко говорят (либо вообще не говорят) о книгах [Там же, с. 14]. Для этой категории читателей мир культуры находится за пределом — барьером его собственной необразованности: библиотека вызывает чувство робости и ассоциируется с учреждением, предназначенным для посвященных, книжные магазины также предлагают слишком большое поле выбора, являющееся скорее препятствием, чем стимулом, побуждающим к чтению. Школьное литературное образование, полученное в детстве и попавшее на малоподготовленную почву, вызвало скорее отторжение от литературы (во многом благодаря принудительному характеру обучения), а не способствовало развитию интереса к чтению и навыкам самообразования.

Специалисты пока что не пришли к единому мнению о том, действительно ли существовал и еще существует «кризис чтения», или же причина лежит совсем в другом — все увеличивающемся разрыве между уровнем «школьной продукции», обеспечивающейся современными системами образования, и требованиями «социального заказа» со стороны общества и его социальных институтов.

Особенностями современного развития общества являются информатизация, развитие высоких технологий и усложнение ткани социальной жизни. Конкуренциоспособность развитых государств, их участие в мировом рынке разделения труда все сильнее зависят от уровня образования работников, их умения и способностей к постоянному повышению квалификации («lifelong learning» — обучению в течение всей жизни, т.е. непрерывному самообразованию). В упомянутом выше докладе «Нация в опасности» говорится следующее: «... эти недостатки (т.е. отмеченные в докладе составляющие риска. — В. Ч.) проявились в то время, когда требования, предъявляемые к высококвалифицированным рабочим в новых областях, все усложняются. Например ...компьютеры, контролируемое с помощью компьютеров оборудование проникает во все стороны нашей жизни — в дома, на заводы и на службу. Согласно одной из оценок, к концу века миллионы видов работ будут включать лазерную технологию и робототехнику.

Технология радикально трансформируется во множестве других занятий. Они включают заботу о здоровье, медицину, энергетику, пищевую промышленность, работы по ремонту, строительство, науку, образование, военную промышленность и промышленное оборудование» [3].

Как видим, отношение к уровню развития читательской культуры личности, а также к процессу читательской деятельности сегодня изменилось и приобретает для общества первостепенное значение. По мнению французских социологов, представление о чтении как навыке, приобретаемом в школе, недостаточно верно, т.к. на самом деле чтение является результатом культурного опыта, степень овладения которым в значительной мере зависит от социальных условий, уровня образования и возраста [2].

Многие исследователи «слабого чтения» и функциональной неграмотности полагают, что корни и причины развития этих явлений лежат в раннем детстве и проистекают не только из школьного, но и дошкольного периода развития личности ребенка. И огромную, решающую роль здесь играет семья, ее социокультурная среда и читательская культура родителей. Уровень грамотности и культуры чтения детей и подростков вызывает сегодня обеспокоенность у родителей, учителей, библиотекарей в разных странах. Так, в Нидерландах в 1984 г. среди детей 12 лет 7% были не в состоянии понять простейший текст. В Польше, Германии и США около 40% детей школьного возраста, у которых понимание простейших литературных текстов вызывает затруднения [6].

В Швеции абсолютно неграмотных практически нет. Однако среди 8,5 млн. населения около 300—500 тыс. взрослых испытывают трудности в чтении и письме. Подсчитано, что 5—10% из 100 000 школьников, оканчивающих школу первой степени обучения ежегодно, не могут с легкостью читать и писать. Учителя, работающие в средней школе, говорят о том, что им встречается слишком много 16—20-летних учащихся, которые не способны читать то, что они хотят, и то, что им необходимо прочесть [7]. Это молодые люди, чьи шансы в жизни после окончания школы сильно ограничены неспособностью воспринимать печатную информацию. Шведские специалисты подчеркивают, что это общенациональная проблема, которая неуклонно обостряется.

Что лежит в ее основании? Горячие дебаты среди специалистов в основном касались вопросов улучшения методов обучения, однако некоторые из них считают, что скорее всего основной причиной является недостаточное развитие лингвистических возможностей ребенка в дошкольном возрасте. Учителя подчеркивают, что у родителей нет ни энергии, ни возможностей заниматься языковым развитием детей. Многие из них не способны показать детям ценность книги и чтения. Слишком многие ученики говорят, что их родители так заняты просмотром телевизионных передач, что у них просто нет времени разговаривать со своими детьми. Приведем высказывание одного подростка: «Мои родители гораздо больше интересуются личностями из Далласа... чем мной! Они даже не могут представить, что я по крайней мере настолько же интересен, как эти их стереотипы» [8], которое иллюстрирует типичную картину досуга в таких семьях. Между тем, именно родители в раннем детстве несут огромную ответственность за речевое развитие ребенка. Общество же не может поручиться за исправление всех ранее допущенных ошибок и небрежностей в семейном воспитании. Тем не менее, шведские учителя считают, что школа и общество должны гарантировать предотвращение ситуации, когда учащиеся оканчивают среднюю школу без соответствующих умений читать и писать.

Чем характеризуются «слабые читатели»? Прежде всего тем, что им скучно и утомительно читать. Но у этих читателей есть и другие особенности. И самые типичные из них — ошибки в чтении. Так, эти читатели не всегда могут правильно соотнести символ — букву алфавита с соответствующим звуком. Это, во-первых, приводит к тому, что они должны делать паузы для того чтобы понять прочитанный ими текст, и, во-вторых, ведет к угадыванию. Угадывание при чтении, изменение нескольких другое (особенно это относится к длинным словам). Но даже небольшие ошибки с заменой и перестановкой букв приводят к изменению смысла текста. Наиболее слабые характеризуются медленным чтением, отрывистым, постоянным повторением фраз, запинанием в начале чтения слов, чтением по слогам. Они делают морфологические и синтаксические ошибки, ошибки от перестановки букв и др., а также теряют ритм при чтении. Многие из них относятся к чтению, как к тяжелому труду, скучному, мрачному и унылому, поскольку испытывают недостаток слов и выражений. Многие школьники могут читать вполне грамотно в фонетическом отношении, но слова и образы ничего для них не значат. Они читают только потому, что должны. Но при этом они никогда не думают над тем, что читают, и не уделяют внимания содержанию. Чтение для них является чем-то неприятным, что нужно вытерпеть и выполнить. Конечно, те, кому не хватает слов и выражений, и те, кто

сражается со своей крайне плохой техникой чтения, не испытывают от него радости. Чтение — тяжелая работа! Обычно взрослые, занимающиеся детским развитием, много времени и энергии тратят на то, чтобы найти для детей и подростков действительно самые лучшие книги. Когда же начинают их предлагать, то часто наталкиваются на упорное сопротивление таких читателей. Педагоги подчеркивают, что ученики, чьи навыки чтения находятся на первоначальном уровне, не всегда могут, даже если захотят, читать то, что понимается под «хорошей литературой». И только к концу обучения в школе эти учащиеся начинают осознавать, что нуждаются в совершенствовании своего читательского умения. Как правило, это приводит их к низкой самооценке и комплексу неполноценности. Молодые люди вступают в жизнь с получтением, которое дает им полу-знание и полу-понимание, поэтому они чувствуют себя полуспособными к полноценной деятельности. И эта группа людей достаточно велика сегодня в любом, даже самом развитом обществе, имеющем культурные традиции.

Итак, с раннего детства и до старости функциональная неграмотность сопровождает человека, внося в его жизнь неприятности и дополнительные страдания. Однако сегодня современные развитые страны предпринимают ряд усилий для решения этой проблемы, затрагивающей широкие слои населения и касающейся практически всех сфер жизни.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. *Танян С.А.* Приоритет образования сегодня — требование XXI века // Сов. педагогика. 1991. № 6. С. 3—13; *Отунбаева Р., Танян С.* В мире неграмотных // Новое время. 1991. № 17. С. 32—33.
2. *Куно К.* Чтение во Франции. М., 1992. С. 17.
3. A nation at risk. National Commission on excellence in education. (1983) // *Cargan L., Ballantine J.M.* Reading in sociology. Fourth edition. Wadsworth Publishing Company. Belmont, California 1987. P. 179—191.
4. *Kozol J.* Illiterate America. New York: Doubleday and Company, 1985. P. 8—9, 13—29.
5. *Curran J., Renzetti CM.* Social problems. Society in crisis. Boston; London; Sydney; Toronto; St. Joseph's University; Allyn and Bacon, Inc., 1987. P. 293—298.
6. *Куно К.* Чтение во Франции... С. 6, 9.
7. Там же. С. 7—9, 14.
8. *Колодзейская Я., Лакхем Б.* Потребность в чтении у детей и юношества (в различных странах) / Доклад на 57 сессии Совета и Генеральной конференции Международной Федерации библиотечных ассоциаций и учреждений ИФЛА. С. 17. (Ротапринт)